

M-26

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՈՒ ՀԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐՎԵՍՏԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ
ACADEMY OF SCIENCES OF ARMENIAN SSR
INSTITUTE OF ARTS

ИТАЛИЯ,
РИМ

МАРИО Д'ОНОФРИО

НЕСКОЛЬКО АРМЯНСКИХ ДВОРЦОВ
V—VII ВЕКОВ

ՀԱՅ ԱՐՎԵՍՏԻՆ ԵՎԻՐՎԱՆ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԻԻ ՍԻՄՊՈԶԻՈՒՄ
II МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО АРМЯНСКОМУ ИСКУССТВУ
II INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON ARMENIAN ART

ԵՐԵՎԱՆ • ЕРЕВАН • YEREVAN • 1978

В средневековой Армении не только культовая, но и гражданская архитектура была очень развита. С одной стороны, строились церкви, которые сейчас уже хорошо известны всем искусствоведам, с другой, — многочисленные здания, официального или частного характера, постоялые дворы, замки и целые города. Можно только пожалеть о том, как мало внимания уделяет им официальная литература. Такие города, как Армавир, Арташат, Двин, Звартноц, Ван, Ани, Амберд, Мрен и др. являются знаменательным свидетельством значительного культурного явления, которое несомненно может открыть новые горизонты в понимании художественной цивилизации этой области, особенно в связи с более определенной социальной и политической обстановкой.

К сожалению, до наших дней сохранилось очень мало развалин этих античных городов и их великолепных памятников. Но, вероятно, кое-что ещё сохранилось погребенными под землёй в ожидании археологических раскопок. Что касается самых древних памятников Советской Армении, то лишь четыре или пять из них пока обнаружены, хотя исторические источники свидетельствуют о гораздо большем их числе. Достаточно упомянуть в этой связи свидетельство Товмы Арцруни (X в.), у которого после упоминания восстания армян против персов в 450 г. сказано: "Вельможи построили себе

царские дома, великолепные особняки, город, окруженный крепостной стеной, и дали мир стране"¹.

Сегодня мы займемся некоторыми сооружениями раннего средневековья (с V по VII вв.) не только, чтобы осветить их формальные аспекты, но и чтобы выделить некоторые аспекты, касающиеся их происхождения и стилистического определения. Речь идет о "благородных" зданиях, о резиденциях духовенства и светских князей, построенных из бетона или камня, как вся культовая архитектура этой области, в то время как жилища менее зажиточного населения так называемые народные были выполнены из более непрочных материалов: дерева, мелких камней и глины.

Двина. Первый из известных нам жилых сооружений - патриарший дворец в Двине, который был объектом успешных исследований в 30-х годах нашего столетия.

Центральное ядро здания состоит из большого прямоугольного зала (внутренние размеры: 26,9 x 11,5 м), направленного с востока на запад. Двойной ряд колонн (четыре с каждой стороны), расположенных на одинаковом расстоянии, делит внутреннее пространство на три нефа; боковые нефы имеют ширину не более 160 см. Некоторые комнаты, расположенные на севере и на юге, выходят в зал, который в этом случае называется глхатун. Это симметричные комнаты, за исключением первой комнаты северного ряда, которая искажает общую планировку здания, основанную, в основном, на геометрической фигуре квадрата. Исходя из археологических данных, можно заметить, что главный вход отирывался

на южный ряд и вел прямо в базилику св. Григора, расположенную в нескольких метрах. Однако мы ничего не можем сказать о маленьких входах колонного зала.

Самая интересная проблема, касающаяся конструкции с критической точки зрения, это несомненно система покрытия, использованная для главной большой комнаты или глхатуна. Были выдвинуты многочисленные гипотезы. Достаточно изучить чертежи восстановления всего главного квартала Двина (исполненные разными местными специалистами). В рисунках Кошояна и Патрика, изданных Кафадаряном², интересующее нас сооружение представляет плоское покрытие с бревнами для боковых комнат и с наклонным покрытием для слуховых окон для главной большой комнаты.

Рисунок, опубликованный Арамом Калантаряном³, наглядно иллюстрирует гипотезу плоской структуры для боковых комнат здания, тогда как основной зал подсказывает отсутствие покрытия, как будто речь идет об открытом дворе или о перестиле. Такого же мнения и Токарский⁴, который даже допускает существование *impluvium* с центральным бассейном, вероятно оставшимся спрятанным ниже нынешнего уровня земли, поскольку последний датируется эпохой (X в.), когда здание было превращено в мечеть. В. Арутюнян⁵ придерживается примерно того же мнения, что и Кошоян, с разницей лишь в том, что касается большого главного зала. Последняя может быть покрыта тремя усеченными пирамидами (по числу пролётов, но не больше) с квадратными основаниями, внешне похожими на кратеры. О. Халпахчян недавно высказал то же

мнение⁶, но он добавляет, что из-за величины пролётов деревянное покрытие с усеченными пирамидами должно было иметь октагональное основание, но не квадратное.

Здесь представляется уместным дать краткое разъяснение об усеченных пирамидах, называемых азарашен по-армянски, поскольку большинство армянских историков архитектуры считает, что они произошли от примитивной народной архитектуры края⁷, несмотря на то, что подобные покрытия (из дерева или камня) можно увидеть в античной Турции (храм Гелиополис - Баалбена и мавзолей Августа в Миласе), в нынешнем Советском Туркменистане (Нисский дворец), в Грузии и Фригии⁸ и в скалистых жилищах центральной Азии и Индии⁹. Азарашен, гипотеза которой была высказана для дворца в Двине, опирается на антаблемент, параллельный колоннадам и закрепленный в углублениях больших капителей, поставленных над колоннадами. К счастью, сохранился хороший экземпляр этих капителей, где можно увидеть точки опоры деревянных брёвен. На эти брёвна затем ставились два других поперечных бревна, с тем чтобы получить квадрат основы, диагональ квадрата, разделенная на два, равнялась длине брёвен, которые должны были образовать вписанный квадрат. Продолжая эту операцию, т.е. ставя последовательно по два параллельных и по два поперечных бревна, получали наконец квадрат (сторона которого не должна была превосходить 1 м); квадрат этот не покрывался, чтобы комната, расположенная внизу, была освещена. Затем пирамида окружалась наклонными деревянными досками, вставленными между различ-

ными слоями и скрепленными смесью соломы и глины (ках-гил). Система азарашен может также развиваться, исходя из восьмиугольника, если поместить на соединении углов квадрата основы четыре доски примерно 1:3 от концов сторон. Получается вписанный восьмиугольник, который системой постоянного наложения восьми брёвен самовоспроизводится в правильной форме до нужной высоты. Сам Ксенофонт¹⁰ в своё время записал основные черты этого рода покрытия во время своего путешествия в Армению в 401 г. до н.э. Павстос Бюзанд (IV-V вв. н.э.) в своей "Истории Армении"¹¹ ясно упоминает обычную систему освещения интерьеров через "несколько маленьких отверстий в потолке...". Для этого рода слуховых окон историк использует армянский термин лусанцуйц, который в буквальном смысле означает "пропускающий свет". Свет, проникающий из отверстий в потолках, ещё раньше привлёк внимание Агафангела (III-IV вв. н.э.); действительно, в своём видении Григория Просветителя он говорит о лусанцуйц ердыкоц, т.е. об окнах, "дающих свету проникнуть"¹². Отсюда и ердык, термин, обычно используемый для обозначения отверстий в деревянных крышах, имеющих форму пирамиды в армянских строениях.

Но вернёмся к Двинскому дворцу. Его постройка была начата примерно в годы патриаршества Гюта (461-465-478), после решения перевести патриарший престол из Вагаршапата в Двин. При патриархе Иоанне Манзакуни (478-490), когда Ваган Мамиконян был марзпаном Армении, здание должно было быть закончено. Этого мнения придерживается Кафадарян¹³; Арутюнян¹⁴ переносит дату на

несколько десятилетий, устанавливая как срок *ante quem* - 572 г., когда, по свидетельству историка Ухтанеса Епископоса¹⁵ (X в.) часть утвари соседней церкви св. Григория была спасена от пожара, устроенного персами, и помещена во дворец католикаса.

Степан Мнацаканян¹⁶, наоборот, так же как и Тонарский¹⁷, считает, что дворец является творением УП века и что гипотезы предшествующих историков оспариваются также с точки зрения критического и объективного анализа архитектурных форм сооружения. Мнацаканян для подтверждения своей гипотезы отмечает и тому же, что наискосное направление сооружения находится в противоречии с параллельным направлением двух религиозных сооружений (церковь св. Григория и церковь св. Иизтбузита) главного квартала, и действительно, это направление вероятно было навязано строителям, поскольку церковь св. Григория в эпоху Сибата Багратуни (606-621) была уже увеличена на две боковые апсиды.

Патриарший дворец, по свидетельству того же армянского историка, мог также существовать до УП в., но во время пожара, устроенного арабами (640-642), он был полностью разрушен, так же как и остальные сооружения. Отсюда следует, что надо говорить о реконструкции *ab imis* всего здания под формой, которая дошла до наших дней. Это произошло, по мнению Мнацаканяна, по инициативе католикаса Нерсеса III (641-661) и за короткий срок, поскольку в 648 г. вселенский собор должен был иметь место в Двине, и к тому же нам известно, что в 652 г. император Константин II¹⁸ жил в этом дворце.

Не намереваясь более углублять эту тему, которая, впрочем, намного сложнее, чем то, что было сказано выше, нам кажется более правдоподобным датировать дворец скорее У-УІ вв., чем УП в., в основном потому, что с точки зрения топологии двинский дворец представляет некоторые архаические черты, как например, квадратная и компактная конфигурация ансамбля, тогда как в резиденциях Аруча и Звартноца, которые, несомненно УП в., стараются это избежать при помощи открытого портика и более свободного сообщения пространств. Такая же разница вкуса и манер наблюдается и в том, что сохранилось от архитектурной скульптуры этих дворцов. В капителях УП в. проявляется форма выраженной насечки, что совсем не наблюдается в капителях Двина, где плоскостное распределение декоративных мотивов не может нанести ущерба волюметрическому и массивному аспекту конструкции.

Другой дворец главного квартала Двина, датируемый У в., был обнаружен во время раскопок 1971-1973 гг.¹⁹ Здание, насколько можно судить по археологическим данным, имело планиметрическую структуру, идентичную с дворцом католикаса, находившимся по соседству с центральным прямоугольным залом и квадратными комнатами. Здесь также внутренние колоннады глхатуна располагаются как можно ближе к самым большим параллельным стенам. Точные функции этого здания неизвестны. Во всяком случае, чтобы не ставить под сомнение назначение первого дворца, вполне можно выдвинуть гипотезу о том, что это сооружение находилось в прямой зависимости от дворца католикаса. С другой стороны, нужно ис-

ключить то, что оно могло быть резиденцией Вагана Мамиконяна, исходя из "Истории" Лазаря Парбеци²⁰, где он рассказывает, как очевидец, что храброму военачальнику, отправляющемуся на официальную церемонию в церковь св. Григория, понадобилась колесница, и на всем протяжении проезда впереди него шли жители города, которые тоже направлялись в церковь, чтобы его там встретить. Следовательно, надо предположить, что резиденция маршала была расположена дальше второго дворца главного квартала, который также находился недалеко от кафедрального собора.

Аван у Еревана. Католикос Иоанн Сянаген (59I-6II), который при правлении царя Хосрова отстаивал патриарший престол у Мовсеса II (574-604), решил перенести свою резиденцию в деревню Аван области Котайк. Здесь, прежде чем отправиться в Карин, где он все еще оставался пленником персидского царя, он построил великолепную церковь, о которой упоминают исторические источники²¹. Однако вероятно, что одновременно с церковью, или чуть позже, был построен официальный дворец. Действительно, немногочисленные остатки на юге церкви дают такое представление. Имеются остатки стен в плане, который был восстановлен во время экспедиции Римского университета в Армению в 1972 г. Это совершенно новый вид плана, но он сохраняет характерные черты, присущие армянским сооружениям тех веков. Внешние стены параллельны основной оси церкви, с которой у них не только общая техника строительства, но и общий основной крепидом. Они представляют также некоторую регулярность во внутренних пространствах.

К сожалению, невозможно добавить другие элементы об этом памятнике, поскольку необходимые раскопки еще не произведены.

Звартноц. Значение этого города связано в основном с именем патриарха Нерсеса III Строителя, который построил там грандиозную церковь в честь Григория Просветителя и жилой дворец, представляющий огромный исторический и художественный интерес.

Коридор восточно-западного направления, расположенный напротив западной ниши церкви, показывает главный вход с башенным выступом фасада по бокам. Хачатрян²² отмечал, что "... после подутемного коридора (ширина его не превышает 75 см) церковь должна была являться как великолепное видение". Справа от входа находится самое значительное ядро дворца с жилыми комнатами, официальными залами, банными помещениями и отдельной часовней. После некоторых гетерогенных пространств, два из которых расположены над подвалом, оставшимся от более древнего строения (возможно урартского), имеется очень внушительное помещение. Это прямоугольный зал (16,44 x 9,90 м) с тремя парами массивных столбов, опирающихся на основные боковые стены и представляющих парные колонны на лицевых стенах, повернутых к центру. По мнению Арутюняна²³, речь идет о зале аудиенций католикоса, трон которого должен был располагаться у восточной стены. По мнению того же историка, помещение с двумя рядами колонн, перпендикулярно сообщаемое с залом аудиенций, должно было представлять зал ожидания. Конечно, мы находимся в области гипотез;

но по данным анализа, произведенного Т.Тораманяном²⁴, термины тахлич (большое помещение) и тачиар (здание для церемоний), параллельно употребляемые армянскими историками для такого рода помещений, могут лишь внушить мысль о месте, где происходят официальные акции, церемонии и т.д. Зал аудиенции был покрыт арочным сводом каменной кладки, подпираемым разгрузочными арками и боковыми нишами²⁵.

Что касается соседнего зала ожидания и других внутренних помещений жилого комплекса, то здесь мы имеем дело с более традиционным деревянным покрытием²⁶ типа азарашен — гипотеза, которая была уже высказана по поводу дворца в Двине. Мнацаканян²⁷ же, исходя из культовой архитектуры области, предлагает покрытие из каменной кладки с внешними наклонными и системой освещения при помощи окон, расположенных вдоль боковых стен. Если армянские церкви этой эпохи, — задает вопрос указанный историк, — были хорошо освещены многочисленными окнами, расположенными в верхней части и вдоль стен нефов, а также в тамбурах куполов, то почему гражданские сооружения, отличающиеся большим великолепием, должны были освещаться только через отверстия ердьяки и, по всем расчетам, оставаться в полумраке? Поднятый вопрос относится также и к двинскому дворцу.

Внутренняя сторона периметра колонного зала открывалась на остальную часть дворца серией аркад, поддерживаемых толстыми пилястрами, имеющими форму Т. Таким же образом помещения восточного сектора были разграничены портиком с пилястрами кре-

стообразного сечения. Можно предположить, что эти равномерные и симметричные помещения имели административную функцию или были частными жилищами; что же касается других помещений, снабженных трубами из терракоты и сообщающихся между собой низкими и квадратными отверстиями для обмена вод, то весьма верно была выдвинута гипотеза, что они являются банными помещениями с раздевалкой, цистерной, бассейном, calidarium, tepidarium и т.д.

В конце правой стороны находится помещение в виде часовни с полукруглыми апсидами и приподнятым бемом. Отсутствие планиметрической конфигурации, навязанной окружающей структурой, и особенно количество беспорядочных проходов, в частности на северной стороне, исключают гипотезу настоящей часовни с единственным нефом; жанр, который встречается в Армении еще с IV в. Однако ни одно другое объяснение неприемлемо, кроме того, которое предлагает Тораманян²⁸. Историк считает, что эта конструкция действительно возникла как часовня, даже до того как был построен дворец, а затем она была внедрена во дворец, претерпев все необходимые изменения, но сохранив свою первоначальную функцию.

В стороне от настоящего жилого ядра, в юго-восточном направлении, находится помещение (некоторые части которого хорошо сохранились) для производства вина, с емкостями для прессования винограда и для сбора сусла.

Как мы уже сказали, ансамбль дворца датируется эпохой правления католикоса Нерсеса III, поскольку он решил перевести свою

резиденцию из Двина в Звартноц. Но известно также, что в 652 г. император Константин II был в Армении гостем Нерсеса III и был принят во дворце Двина, а не Звартноца. Из этого можно предположить, что в это время жилой ансамбль Звартноца не был ещё окончен.

Аруч. Последним из изучаемых сооружений, исходя из хронологических границ, назначенных нами, является княжеский дворец Аруча в Аштаранском районе. Развалины сооружения, обнаруженные примерно в 1950 г., находятся вблизи хорошо известной купольной церкви в южном и юго-восточном направлении.

В восточной стороне находится помещение, условно называемое "первый салон", оно прямоугольной формы (внутренние размеры 18,7 x 10,70 м), восточно-западного направления, стены окружности в основном хорошо сохранены; они сделаны из туфа желто-оранжевого оттенка и в среднем сейчас имеют высоту 2,50 м. Эта кладка покоится на крепидоме с двумя ступеньками, так же как соседний кафедральный собор; здесь тоже речь идет о конструкции из частой каменной кладки, по технике, которая известна и встречается во всех памятниках средневековой Армении. Однако в обработке облицовочных камней двух внутренних и внешних фасадов наблюдается маленькая разница. С внешней стороны каменные блоки равномерные, с относительно крупными пропорциями, тогда как с внутренней стороны камни более мелкие и плохо обтесаны. Такой прием в строительстве является исключительным случа-

ем по отношению к более принятому варианту армянской кладки, которая обычно использует камни правильной формы и одинаковых размеров. Но если, с одной стороны, этот факт может породить некоторые сомнения о подлинности одной из облицовок или, возможно, подать мысль об отсутствии единой фазы строительства то, с другой стороны, он может рассматриваться как техническое решение для специальной облицовки внутренней стены на базе извести, где почти грубая резка камня могла гарантировать хорошее скрепление. В самом деле, такое объяснение подтверждается следами штукатурки (исключительно толстой), сохранившимися на некоторых блоках внутренней стены, но которые должны были показаться более значительными Арутюняну²⁹.

По длине салон разделен на три части двойным рядом колонн (по три с каждой стороны), все с крестообразным сечением, на неравномерном расстоянии друг от друга. Вдоль окружности колоннам соответствуют выступающие небольшие пилястры; поэтому, благодаря наличию *in loco* некоторых камней свода, мы можем представить арочное покрытие из каменной кладки с системой разгрузочных аркад, совершенно схожей с системой известной базилики Касаха, которая наблюдается во многих других палеохристианских церквях Армении, в том числе и в базилике I Двина³⁰, что бы ни доказывал Дейхманн³¹.

Следовательно, наличие купола в салоне Аруча исключается в основном из-за отсутствия квадратного корпуса поддержки, который мы встречаем в армянских религиозных строениях, несомненно

снабженных куполом (Текор, Эчмиадзин, Двин II, Звартноц, Талин и т.д.). Хачатрян³² исключает также типологию вписанного креста, уточняя, что "вписанный крест" в Армении является понятием, связанным с концепцией купола с боковыми разгрузочными рукавами со сводчатым покрытием из кладки. С внешней стороны салона, следовательно, представляется крыша с двойным склоном.

Другие помещения, имеющиеся на западе "первого салона", к сожалению, не так хорошо сохранились; они параллельны оси кафедрального собора. Различается большой колонный зал, благодаря наличию на месте некоторых капителей и двойного ряда оснований, колонн (три или четыре в каждом ряду) с равномерным расстоянием в 1,90 м. Также интересно заметить, что диаметр основы капителей и диаметр цоколя колонн полностью соответствуют друг другу (примерно 53 см). Остатки обнаруженных стен лишь частично обозначают периметр этого зала, колоннады которого мало выступают от внутренних стен здания, создавая таким образом два узких и симметрично-параллельных коридора.

На основании археологических данных, можно утверждать, что по самым длинным сторонам колонного зала существовали одна или несколько квадратных комнат и что с северной стороны был атриум с колоннами, подсказанный, вероятно, топографией кафедрального собора.

Здесь, так же как в специфическом случае глхатуна, проблема покрытия находит элементы решения в полудилиндрических углублениях, которые пересекают верхнюю часть капителей и которые, как мы это видим в Двине, должны были, по всей вероятности, поддер-

живать первоначальные бревна структур, называемых азарашен, с окнами в виде ердника.

Вопрос связей, возможно существующих между "первым салоном" и колонным залом, все же менее ясен. Можно быть почти уверенным, что речь идет об одном монументальном комплексе, даже если уровни пола кажутся разными. Во всяком случае, чтобы выяснить этот вопрос и многие другие, необходимо усовершенствовать раскопки и распространить их на всю, ещё почти полностью не исследованную, южную зону.

Исторические источники, касающиеся этого ансамбля сооружений, рассеивают наши сомнения о его дате. Достаточно напомнить фрагмент из "Истории Армении" патриарха Иоанна Драсханакертци (IX в.), который, по всей вероятности, имел представление *de visu* об ансамбле, исходя из следующих подробностей: "В свое время благодетельный ишхан Григорий Мамиконян основал, по божьей милости, великолепную церковь в деревне Аруч. С истинно дивной заботой он занялся постройкой замечательной церкви на земле. Со стороны юга он построил здание, чтобы служило двором; он расположил его в конце маленькой каменистой долины, откуда выходил прозрачный родник; вода с быстротой падала из щели скал, окружающих эту долину, как корона"³³.

Следовательно, строительные работы имели место между 661 и 682 гг., даты, которые как раз соответствуют правлению Григория Мамиконяна в Армении. "Григорий, — пишет историк Драсханакертци, — окружил это место крепостной стеной и перенес туда свою рези-

денцию"³⁴. Это указывает на наличие двух помещений с различными функциями: одно (возможно зал с колоннами), служащее официальным залом *aula regia*, со свободными помещениями вокруг для административных, политических и военных функций, другое (так называемый "первый салон") — предназначенное для личной жизни.

Историки, которые интересовались этим дворцом, не сомневаются в дате, подсказанной историческими документами, и утверждают, что ансамбль Аруча несомненно следует за двинским, формы которого стремились воспроизвести местные строители. К тому же, сохранившиеся элементы (капители) в стилистическом отношении находят свое оправдание в течение V в. из-за повторений, наблюдаемых, начиная с архитектурной скульптуры Рипсима (примерно 618 г.) и Звартноца.

После этого анализа попытаемся развить некоторые суждения о типологических и стилистических чертах, общих для этих памятников.

Даже при наличии некоторых вариантов в композиции, все эти армянские дворцы представляют разительные аналогии с иконографической точки зрения. Например, стремление к определению четырёхугольных пространств, которые более или менее равномерно окружают одно или два основных помещения, характеризуемых наличием колонн, является общим как для дворцов Двина и Аруча, так и для более монументального дворца — Звартноца.

Успех этой схемы, которую мы встречаем также и в более по-

здних сооружениях (дворец Ани, X в.), основан вероятно на местной традиции, которая, если даже мало нам знакома, происходит от более древних прототипов, появившихся в соседних областях. Во всяком случае, прямая преемственность между жилищной архитектурой Армении и Урарту тут исключается, даже если армянская культура многим обязана урартской культуре античности³⁶. Такие центры, как Эребуни или Кармир Блур, которые развились как спонтанные скопления домов, не могут служить моделью для резиденций средневековой Армении. В действительности, как показывает пример Гарни, типология урартских городов была полностью отброшена в I в. до н. э.

Все историки армянской архитектуры, в том числе и местные специалисты, согласны признать существование некоторых иностранных черт не только в религиозных памятниках, но и в секторе гражданской архитектуры области. Это ничем не ущемляет национального характера этой архитектуры, которая смогла вплести культурный вклад соседних стран. Но если, с одной стороны, наблюдается проникновение некоторых сирийских элементов в религиозную архитектуру (в основном базилика Ереруйна), то в жилищной архитектуре замечаются, главным образом, некоторые мотивы сасанидского происхождения. Более древние дворцы, построенные между III и V вв. в Фирузабаде, Дамгане, Сарвистане и т.д., как будто служат примером для постройки армянских патриарших и княжеских сооружений.

В этой связи неплохо напомнить, что между 430 и 634 гг. Ар-

мением правила династия Сасанидов. В персидских дворцах, где сходятся местные, более архаические мотивы посредством ассирийско-вавилонского и эламского миров³⁷, укрепляется типология, основанная на симметрическом распределении помещений, рядом с очень удлиненными прямоугольными залами, где расположены ряды толстых колонн возле самых длинных стен. В частности, во дворце Сарвистана два самых больших зала представляют последовательность пролётов, разделенных парами колонн, почти прислоненных к самым длинным стенам окружности. Зал аудиенций Звартноца особенно напоминает эти помещения, поскольку там видны также ниши между разными колоннами, сгруппированными точно так, как было обнаружено в Сарвистане. Стржиговский в очень общей форме предлагал такое сопоставление, настаивая на том, что зал Звартноца должен был быть сводчатым, из каменной кладки³⁸.

Огромные капители Двина, их рисунок и орнамент напоминают также персидскую культуру, а точнее, по мнению Якобсона³⁹, ахеменидскую.

Что касается Звартноца, то Якобсон⁴⁰ видит также некоторые сходные пункты с гражданской архитектурой Сирии, где сохранилось достаточно разрушенных городов конца античного периода и начала средневековья. Упоминаются несколько имён: Эл Барак (вилла У в.), Шаки (монастырь У в.) и Калат Семан (монастырское сооружение VI в. базилика Иоанна Столпника). Важно отметить другой элемент Звартноца — византийский. Известно, что католикос Нерсес III был хорошо настроен по отношению к Византии и старался

поставить армянскую церковь в один ряд со вселенской церковью Халхедонского собора. Церковь, которую он сам построил в честь св. Григория, представляет некоторые византийские мотивы как в центрированной типологии⁴¹, так и в архитектурной скульптуре (напомним в том числе капители с греческими анаграммами католикоса). Таким образом дворец, который находится рядом, отражает в целом порядок композиции, общий для многих епископств среднего востока⁴², в основном из-за тесной связи, которая существует между церквями и дворцами. В Двине и Аруче эти сооружения совершенно независимы, но в Звартноце крепостная стена каменной кладки, имеющая форму неправильного пятиугольника, окружала церковь и дворец. А для Армении это было большим новшеством с исторической точки зрения, поддерживаемым стремлением сделать жилой ансамбль автаркическим посредством внесения многочисленных инфра-структур, таких как банные помещения, помещения для обслуживания персонала, помещения для производства вина и т.д. К тому же, именно для византийской архитектуры типично прибавление круглых апсид⁴⁴ к некоторым пространствам. В Звартноце апсидальное пространство, добавленное к дворцу как часовня или как строение, имеющее другую функцию, придает почти "эксархальный" вид общей планиметрии; именно из-за этого последняя может быть сопоставлена с так называемой виллой d'Ephèse, которая находится недалеко от театра того же города⁴⁵.

В заключение можно сказать, что жилищная архитектура Армении является огромным культурным явлением, где даже самые гете-

рогенные аспекты, переданные через соседние миры, собираются, чтобы создать совершенно структуральную и оригинальную картину. Так же как и в религиозной архитектуре, архитектура дворцов осуществляет различные, ясные и непосредственные эффекты, благодаря местной, очень точной и выразительной тенденции. Сама сложность архитектурных данных и жизненность намерений соединяются, чтобы создать редкое равновесие. Не было бы слишком большой смелостью сказать, что именно здесь осуществляется один из самых великолепных моментов всей цветущей цивилизации средневековой Армении.

Примечания

1. Книга П, глава I.
2. К.Кафадарян, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952, рис. 74-75.
3. А.Калантарян, Материальная культура Двина, IV-VIII вв., Ереван, 1970, т. VI, рис. I.
4. Н.Тонарский, Архитектура Армении, V-XIV вв., Ереван, 1961, стр. 59-60.
5. В.Арутюнян, Архитектура патриаршего дворца в Двине, Ереван, 1948.
6. О.Х.Халпахчян, Гражданское зодчество Армении, Москва, 1971, стр. 93-94.
7. См. например: А.Хачатрян, Армянская архитектура IV-VI вв.

- Париж, 1971, стр. 64-65; О.Х. Халпахчян, ун.соч., 1971, стр.56; М.Г.Брамбилла, Типы крестьянских домов Армении, "Палладио", XXIV-XXV, 1974-1976, стр.197-212.
8. П.Верзоне, Два новых купола Фригии в виде выступа и грузинский дарбази, "Беги Картлиса", XXXIII, 1975, стр. 230-235.
  9. Й.Стржиговский, Строительное искусство Армении и Европы, Вена, 1918, II, стр.619-624; его же, Живопись Азии, Аусбург, 1930, стр.147, 153, 265; К.Фишер, Памятники индийского искусства, Кёльн, 1959, стр.132.
  10. Анабазис, IV, 5.
  11. Книга У, глава 6.
  12. СII, II2-II3.
  13. К.Кафадарян, ун.соч., 1952, стр.119.
  14. В.Арутюнян, ун.соч., 1948; его же, Архитектурные памятники Двина, V-VIII вв., Ереван, 1950, стр.56-57.
  15. Ухтанес, Первая часть, I-II, Вагаршапат, 1871, стр.66-67.
  16. С.Х.Мнацаканян, О времени возведения дворца Двина, "Патма-банасиракан андес", II, 65, 1974, стр.213-232.
  17. Н.Тонарский, ун.соч., 1961, стр.61-62.
  18. Себеос, глава XXXV.
  19. А.Калантарян, Раскопки 1971 - 1973 гг. центрального квартала Двина, "Драбер Асаракан Гитуцюннери", УП, 1975,

- стр.89-99.
20. Глава 85.
21. Себеос, глава XXIII.
22. А.Хачатрян, Армянская архитектура, Париж, 1948-1949, стр.67.
23. В.Арутюнян, Дворец Звартноца и соседние сооружения, "Известия Академии наук Арм.ССР", XII, 1962, стр.41.
24. Т.Тораманян, Материалы истории армянской архитектуры, Ереван, 1942-1948, I, стр.354.
25. Н.Тонарский, ук. соч., 1961, рис. 18; О. Халпахчян, ук.соч., 1971, рис.122-123; С. Мнацаканян, Звартноц и однотипные памятники, Ереван, 1971, рис.55.
26. В.Арутюнян, ук.соч., 1962; Н.Тонарский, ук.соч., 1961; О.Ш.Халпахчян, ук.соч., 1971.
27. Е.И.Мнацанян, ук.соч., 1971, рис.28, стр.249.
28. Т.Тораманян, ук.соч., II, стр.94-106.
29. В.Арутюнян, Новый памятник гражданской архитектуры VII в. "Известия АН Арм. ССР", УШ, 1953, стр.53-65.
30. М. Д'Оноррио, Церкви Двина, Рим, 1973, стр.25, №61.
31. Ф.В.Дейхманн, К развитию колонной базилики: базилика Сион в Болнисе, II международный симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 1977, стр.7.

32. А.Хачатрян, ук.соч., 1971, стр.64.
33. Глава XII.
34. Там же.
35. В.Арутюнян, ук.соч., 1953; Н.Тонарский, ук.соч., 1961, стр. 62-67; А.Хачатрян, ук.соч., 1971, стр.63-65; О.Халпахчян, ук.соч., 1971, стр.94-95.
36. Б.Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944; Г.А.Тирамян, Урарту и Армения, "Патма-банасиракан андес", I, 1978, стр.43, на арм.яз.
37. А.Годар, Искусство Ирана, Париж, 1962, стр.218; А.Ю. Поп, Персидская архитектура, Лондон, 1965, стр.46; Р.Гиршман, Эламитская архитектура и ее традиции, "Искусство Ирана", У, 1965, стр.93-102; М.Роаф, Распространение крестообразных залов, "Иран", XXXV, 1973, стр. 83-93.
38. И.Стржиговский, ук.соч., 1928, I, стр.267.
39. А.Л.Янобсон, Очерк истории зодчества Армении, У-ХУПвв., М.-Л., 1950, стр.49.
40. Там же, стр.51.
41. В.Е.Клайнбауер, Звартноц и истоки христианской архитектуры в Армении, "The Art Bulletin", 1972, III, стр. 245-262.
42. Д.И.Паллас, Реальный словарь к византийскому искусству

ву, П, Штутгарт, 1971, "Episkopion ", col, 335-371;
 Г.Мадаспина, Епископство и духовные резиденции в восточ-
 ной части Римской империи, " Contributi dell'Ist. di Arch
 dell'Univ. Cattolica" (Milano), V, 1975, pp.29-173.

43. И.Стржиговский, ук.соч., 1918, I, рис.108.

44. Пронопиус, De aedificiis dn. Justiniani, passim
 см. также Г.Веттерс, О византийской Эфесе, "Jahrbuch
 der österreichischen byzantinischen Gesellschaft", XV,
 1966, pp.273-287, etc.

45. Ф.Фазоло, Римская архитектура Эфеси, в "Bollettino del
 Centro di Studi per la Storia dell 'Architettura", XVIII ,
 1962, fig.44 à la p.59.

Заказ 1018

Тираж 250

Введено в производство 13.09.1978 г., подписано к печати

12.09.1978 г., печ.л. 1,5, изд.л. 0,8. Бумага № 1,

60 x 84 I/16.

12 коп.

Издательство АН Армянской ССР, Ереван-19, Барекамутян 24 г,
 Эчмиадзинская типография АН Армянской ССР.